

Трансформация взаимосвязи производительности труда и заработной платы в условиях дефицита кадров в России

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Загидуллин Дамир Маратович

Студент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: zagidullindm.24@edu.ystu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

производительность труда;
зарботная плата; рынок
труда; реальная заработная
плата; эффективность
производства;
производительность и
оплата труда; российская
экономика

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется взаимосвязь между производительностью труда и реальной заработной платой в российской экономике в долгосрочном периоде. Актуальность исследования обусловлена усилением диспропорций между динамикой оплаты труда и эффективностью производства в условиях структурной трансформации экономики, дефицита трудовых ресурсов и рекордно низкого уровня безработицы. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выявлены основные теоретические подходы к объяснению расхождений между производительностью труда и заработной платой, а также факторы, определяющие степень передачи производственных выгод работникам. В работе проведён анализ динамики индекса производительности труда и индекса реальной заработной платы в Российской Федерации за период 2000-2026 гг. Выделены основные этапы трансформации российского рынка труда, характеризующиеся изменением механизмов формирования доходов населения и роли производительности труда в обеспечении роста заработной платы. Особое внимание уделено современному этапу развития экономики, связанному с усилением кадрового дефицита, ростом конкуренции работодателей за трудовые ресурсы и повышением влияния институциональных факторов на динамику оплаты труда. Для проверки гипотезы о наличии статистически значимой связи между исследуемыми показателями использован корреляционный анализ. Полученные результаты подтверждают существование положительной взаимосвязи между производительностью труда и реальной заработной платой. Вместе с тем установлено, что в последние годы рост заработной платы всё в большей степени определяется ограничениями рынка труда, что усиливает риски инфляционного давления и актуализирует необходимость повышения производительности труда как ключевого фактора устойчивого экономического развития.

JEL codes: J24, J31, E24, O47

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-4-174-185>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Трансформация взаимосвязи производительности труда и заработной платы в условиях дефицита кадров в России / С.В. Шкиотов, Д.М. Загидуллин. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 4. – С.174-185. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.04.2026)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема разрыва между производительностью труда и заработной платой в современной российской экономике приобрела особую остроту. В условиях масштабной структурной трансформации, беспрецедентного дефицита кадров и рекордно низкой безработицы наблюдается качественное изменение характера этого разрыва: от многолетней околонулевой стагнации доходов населения к агрессивному росту оплаты труда, не

обеспеченному соответствующим повышением эффективности производства и автоматизацией на мезоуровне. Данная диспропорция генерирует новые системные макроэкономические риски, включая раскручивание спирали «зарплаты-цены», резкое сокращение чистой рентабельности и инвестиционных ресурсов предприятий реального сектора, а также вынужденное удержание Банком России жестких денежно-кредитных условий.

Более того, анализ актуальной экономической литературы показывает, что эта проблема характерна не только для российской экономики.

В целом, исследования взаимосвязи производительности труда и уровня оплаты труда показывают, что между ними сохраняется положительная зависимость, однако её сила и характер существенно различаются между странами, отраслями, фирмами и группами работников. В большинстве сравнительных исследований стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейского союза (ЕС) рост производительности труда в последние десятилетия опережал рост медианной или средней заработной платы. Основными объяснениями данного расхождения выступают снижение доли трудовых доходов в национальном доходе, рост неравенства в распределении заработков и неполная передача работникам выгод, возникающих вследствие повышения производительности на уровне фирм [1; 2].

Причем, наиболее устойчиво данное расхождение характерно для экономик, где одновременно снижается доля труда в созданной добавленной стоимости и усиливается неравенство заработков. Так, в восьми из одиннадцати стран ОЭСР в период 1986-2013 гг. медианная реальная заработная плата росла медленнее производительности труда [14]. Аналогичные тенденции наблюдались в странах ЕС в 2002-2018 гг., где ключевую роль играли сокращение доли труда, капиталоемкий технологический прогресс и ослабление институтов коллективных переговоров [2].

Вместе с тем масштабы расхождения существенно варьируются между странами. Например, в США данный феномен особенно выражен в обрабатывающей промышленности, тогда как во многих европейских экономиках он проявляется слабее [15]. В странах Центральной и Восточной Европы наблюдается значительная межстрановая неоднородность: в государствах экспортноориентированной промышленной специализацией расхождение встречается чаще, тогда как в ряде случаев фиксируется обратная ситуация, когда заработная плата растёт быстрее производительности труда [16].

Важно отметить, что на уровне фирм взаимосвязь между производительностью и заработной платой, как правило, остаётся положительной, однако далека от пропорциональной. По данным межстрановых исследований ОЭСР, лишь около 15% различий в производительности между фирмами отражаются в различиях заработных плат работников [3]. Степень передачи производственных выгод в заработную плату зависит от мобильности работников, интенсивности конкуренции на рынке и особенностей институтов формирования заработной платы.

При этом в экономической литературе подчёркивается, что проблему нельзя объяснить исключительно нарушением рыночного механизма распределения доходов. В частности, в США более высокие темпы роста производительности по-прежнему связаны с более быстрым ростом трудовых компенсаций, однако этого недостаточно для предотвращения долгосрочного расхождения между производительностью и оплатой труда типичного работника [4]. Кроме того, ряд исследований указывает на существование обратной причинной связи: повышение заработной платы способно стимулировать рост производительности посредством инновационной активности, расширения спроса и повышения эффективности труда [20; 21].

Особое внимание в литературе уделяется различиям между социально-демографическими группами работников. Так, исследования показывают, что гендерные, возрастные и образовательные различия в оплате труда нередко не соответствуют различиям в производительности. В США более низкие заработки женщин в значительной степени не объясняются более низкой предельной производительностью [9]. В Новой Зеландии различия в производительности объясняют лишь незначительную часть гендерного разрыва в заработной плате, тогда как важную роль сохраняют

переговорная сила работников и дискриминационные практики [10]. Аналогичные результаты получены для Колумбии, где предприятия, управляемые женщинами, демонстрировали более высокую среднюю производительность, но более слабую реакцию заработной платы на её рост [22].

Возрастные и образовательные различия также оказываются неоднозначными. Исследования на данных Финляндии показывают, что с увеличением возраста работников расхождение между влиянием возраста на заработную плату и на производительность возрастает, а более высокий уровень образования в ряде случаев повышает производительность сильнее, чем заработную плату [23]. В Словении женщины нередко оказываются более производительными, чем мужчины, несмотря на сохранение преимуществ мужчин в оплате труда [24].

Несмотря на широкое распространение результатов о неполной передаче производительных выгод работникам, причины данного явления остаются предметом академической дискуссии. Для одних стран ключевое значение имеют сокращение доли труда и рост неравенства доходов [2; 14], а для других – особенности режимов ведения коллективных переговоров, уровень безработицы, распространённость временной занятости, концентрация товарных рынков и доминирование крупных высокопроизводительных компаний [17; 19].

В то же время существуют исследования, фиксирующие тесную связь между производительностью и оплатой труда, например на отдельных рынках труда в странах Африки или в высокоспециализированных профессиональных секторах [7; 8]. Это свидетельствует о том, что расхождение не является универсальным феноменом и существенно зависит от институционального контекста и используемых показателей производительности.

Следует учитывать и методологические ограничения – различные работы используют неодинаковые показатели для измерения как производительности, так и оплаты труда. Например, ряд исследований сопоставляет медианную заработную плату со средней производительностью труда, другие анализируют связь между заработной платой на уровне фирмы и добавленной стоимостью на одного работника, третьи оценивают различия в предельной производительности отдельных групп работников [14; 22; 27]. Кроме того, результаты исследований гендерных, возрастных и образовательных различий чувствительны к спецификации эконометрических моделей и доступности связанных данных работодателей и работников [23; 28; 27].

Таким образом, современная литература не подтверждает существование универсального механизма, при котором заработная плата автоматически растёт пропорционально производительности труда. Наиболее надёжные эмпирические результаты свидетельствуют не об отсутствии связи между этими показателями, а о её неполноте и институциональной обусловленности. Международные исследования на макроэкономическом, отраслевом, региональном и фирменном уровнях устойчиво выявляют наличие расхождения между динамикой производительности и оплаты труда либо неполную передачу производительных выгод работникам.

Целью данного исследования является верификация наличия статистически значимой связи между уровнем производительности труда и заработными платами в российской экономике.

Основная часть

Анализ долгосрочной динамики производительности труда и заработной платы в России позволяет выявить устойчивые закономерности и структурные сдвиги во взаимосвязи этих ключевых индикаторов.

Так, анализ статистических данных за продолжительный двадцатипятилетний период позволяет выделить четыре качественно различных этапа в динамике производительности труда и заработной платы в Российской Федерации.

Первый этап (2000-2008 гг.) вошел в новейшую экономическую историю России как период восстановительного роста и формирования базовых институтов рыночного распределения доходов. После глубокого системного кризиса 1998 года отечественная экономика обладала значительным объемом незадействованных, но вполне дееспособных производственных мощностей и избыточной

рабочей силой. Первоначальный импульс росту производительности труда дала масштабная девальвация рубля, запустившая классические механизмы импортозамещения в легкой, пищевой и химической промышленности. Начиная с 2003 года, этот процесс был подкреплен мощнейшим внешнеэкономическим драйвером – переходом мирового рынка энергоносителей в фазу долгосрочного суперцикла высоких цен на сырую нефть и природный газ.

Благоприятная конъюнктура обеспечила приток в страну колоссального объема сырьевой ренты, что транслировалось в среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 6-7%, а прирост общественной производительности труда стабильно удерживался в коридоре 5-7% ежегодно (см. табл. 1).

Однако детальное исследование распределительных отношений этого периода выявляет латентное формирование глубоких межотраслевых и структурных диспропорций, которые долгое время маскировались общим благополучным макроэкономическим фоном. Так, в добывающем секторе и связанных с ним отраслях естественных монополий (нефтегазовый комплекс, черная и цветная металлургия, трубопроводный транспорт) темпы роста номинальных, а вслед за ними и реальных заработных плат опережали рост физической выработки в среднем на 4,5-5,2% в год. Собственники крупных сырьевых корпораций, максимизируя экспортную прибыль, имели возможность агрессивно повышать компенсационные пакеты сотрудникам с целью удержания квалифицированного персонала и минимизации трансакционных издержек на рынке труда. Этот процесс запустил механизм «демонстрационного эффекта» на мезоуровне: высокая оплата труда в сырьевом секторе стала ориентиром для всей остальной экономики, провоцируя необоснованные зарплатные ожидания занятых в других сферах.

Диаметрально противоположная макроэкономическая картина складывалась в среднетехнологичных и низкотехнологичных секторах обрабатывающей промышленности (транспортное машиностроение, станкостроение, текстильное производство). Данные сектора российской экономики функционировали в условиях жесткой конкуренции с нарастающим потоком импорта, хлынувшим в страну по мере укрепления реального эффективного курса рубля. Ограниченные рыночными рамками и низкой эластичностью спроса на свою продукцию, менеджеры российских обрабатывающих предприятий были вынуждены жестко сдерживать удельные издержки на рабочую силу (ULC). Рост производительности труда здесь достигался преимущественно за счет высокой интенсивности живого труда и эксплуатации изношенного советского станочного парка, при этом реальные заработные платы рабочих росли крайне сдержанно, отставая от показателей выработки.

К концу 2007 года потенциал экстенсивного восстановительного роста был полностью исчерпан. Экономика подошла к структурным границам своей эффективности: уровень загрузки производственных мощностей превысил 80%, а безработица упала до исторических минимумов, сформировав первые признаки дефицита квалифицированных кадров. Накопленный за этот этап отрыв заработных плат в сырьевом и финансовом секторах от реальных возможностей обрабатывающего базиса создал критическую массу макроэкономической нестабильности, которая сдетонировала под воздействием внешнего шока осенью 2008 года.

Второй этап (2009-2014 гг.) ознаменовался резким спадом показателей в кризисном 2009 году и последующим затяжным замедлением темпов макроэкономического роста до 2-3% в год. Это отражало полное исчерпание эффектов постсоветского восстановительного роста и консервацию институциональной структуры. Мировой финансовый кризис вызвал резкое падение спроса, что обнажило уязвимость отечественной модели рынка труда.

В кризисном 2009 году падение индекса производительности труда более чем на 4% сопровождалось адекватным снижением реальных доходов населения на 3,5% (см. табл. 1). Это свидетельствует о том, что на тот момент механизмы адаптации российского рынка труда сработали классически: бизнес снизил издержки за счет переменной части заработных плат, избежав при этом массовых увольнений и взрывного роста безработицы.

Однако уже в 2010-2011 гг. начался восстановительный посткризисный цикл, который, впрочем, продемонстрировал ловушку ложной стабилизации. Рост мировых цен на энергоносители после провала 2009 года создал иллюзию восстановления долгосрочного экономического роста в России. Однако этот рост был во многом обеспечен экстенсивным вовлечением простаивавших в кризис мощностей. При этом из-за высокой степени износа станочного парка и отсутствия прямых инвестиций в автоматизацию физические объемы выработки на одного сотрудника стагнировали на уровне 2-3%.

Критической точкой деформации стали 2012-2013 годы. Как отчетливо видно из таблицы 1, в 2012 году прирост реальной заработной платы составил беспрецедентные 7,8%, в то время как выработка живого труда увеличилась всего на 2,8%. Данный феномен был обусловлен не рыночными факторами, а масштабным административным давлением – необходимостью форсированного выполнения социальных обязательств в государственном секторе. Поскольку рост доходов не опирался на реальный рост эффективности и автоматизации, показатель удельных трудовых издержек (ULC) существенно вырос. Для обрабатывающих производств это означало резкое сжатие чистой рентабельности.

В 2014-2015 гг. Россия вошла в новую фазу стагнации и валютного кризиса. В 2015 году, под воздействием жесткого внешнего шока, реальные заработные платы упали сразу на 9%, что стало болезненным, но неизбежным дефляционным демпфером, позволившим временно сбить показатель (ULC) и уберечь реальный сектор от массовых банкротств. Соответственно, на третьем этапе (2015-2019 гг.) российский рынок труда вошел в фазу, которую эксперты описывают как период «затяжной адаптационной стагнации» и структурного приспособления к новой геополитической реальности. Введение секторальных экономических санкций Запада в конце 2014 года, ограничение доступа российских корпораций к международным рынкам капитала и двукратное падение мировых цен на нефть сформировали жесткий шок предложения для всей национальной хозяйственной системы.

Макроэкономическая адаптация отечественного рынка труда в этот период проявилась в уникальной институциональной форме, радикально отличающейся от англосаксонской модели. Вместо проведения массовых увольнений и оптимизации численности персонала, что привело бы к взрывному росту регистрируемой безработицы и обострению социальной напряженности, российский бизнес пошел по пути снижения гибкой (переменной) части оплаты труда. За счет резкого сжатия премиальных фондов, отмены бонусов, ликвидации надбавок и массового перевода сотрудников на режимы неполного рабочего дня (скрытая безработица) предприятиям удалось избежать массовых сокращений.

Шоковое падение доходов населения в 2015 году в России и соответствующее резкое снижение удельных трудовых издержек (ULC) фактически спасло тысячи предприятий обрабатывающего сектора от немедленного банкротства в условиях недоступности кредитных ресурсов.

Понятно, что в долгосрочной перспективе эта своеобразная стратегия адаптации российского рынка имела тяжелейшие последствия, прежде всего для динамики производительности труда. Хроническое удешевление стоимости рабочей силы по отношению к стоимости капитала заблокировало у собственников и топ-менеджеров любые рыночные стимулы к модернизации производства, автоматизации технологических процессов и внедрению трудосберегающих технологий.

Результатом эффекта «дешевизны рабочей силы» в России в 2016-2019 гг. стала консервация миллионов низкопроизводительных рабочих мест, особенно в сфере розничной торговли, строительства и низкопередельной обрабатывающей промышленности.

Рост производительности труда на данном этапе балансировал в пределах статистической погрешности, впрочем, и сами заработные платы находились в состоянии латентной стагнации, подрывая потенциал долгосрочного экономического роста.

Четвертый этап (2020-2025 гг.) стал периодом беспрецедентной турбулентности,

институциональных шоков и кардинального слома существовавшей четверть века модели функционирования российского рынка труда. Данный этап начался с пандемического кризиса 2020 года, который вызвал кратковременный паралич сферы услуг и розничной торговли, однако за счет масштабных мер государственной фискальной поддержки (субсидирование занятости, налоговые каникулы) экономика избежала масштабной рецессии. Уже в 2021 году начался бурный восстановительный рост, который, однако, быстро натолкнулся на жесткие ограничения со стороны предложения факторов производства, и прежде всего рабочей силы (глобальный локдаун, отток трудовых мигрантов, сверхсмертность от пандемии, ужесточение санкций – все это стало предпосылками грядущего большого дефицита на рынке труда).

Качественный сдвиг произошел в 2022-2024 гг. Введение масштабных международных санкций, уход зарубежных технологических гигантов, необходимость экстренного импортозамещения в критических отраслях и взрывной рост государственного оборонного заказа предъявили колоссальный, одномоментный спрос на рабочую силу в обрабатывающей промышленности и ИТ-секторе. Этот шок спроса наложился на неблагоприятные долгосрочные демографические тренды – вхождение российской системы в затяжную полосу демографического сжатия (эхо кризиса 1990-х годов) и отток части квалифицированных специалистов. В результате экономика РФ столкнулась с острейшим дефицитом кадров: уровень безработицы опустился до невиданных ранее 2,5%.

В этих условиях механизмы формирования заработной платы полностью утратили рыночную связь с динамикой производительности труда. Предприятия ОПК, обеспеченные прямым и нелимитированным бюджетным финансированием, перешли к стратегии агрессивного ценового «перекупа» сотрудников, поднимая номинальные оклады квалифицированным рабочим и инженерам в 2-3 раза. По закону сообщающихся сосудов этот процесс мгновенно перекинулся на гражданские сектора машиностроения, металлообработки и строительного комплекса – чтобы не потерять остатки трудовых коллективов, директора гражданских заводов были вынуждены симметрично индексировать заработные платы. Те же самые процессы разворачивались и в российском ИТ-секторе. Росстат зафиксировал рекордные темпы роста реальных заработных плат: 9,1% в 2024 году и 6% в 2025 году (см. табл. 1).

Однако этот стремительный рост доходов населения натолкнулся на жесткие физические ограничения предложения. Из-за санкционной блокировки импорта современных станков, промышленной робототехники и микрокомпонентов предприятия физически не могли повысить производительность труда адекватными темпами – прирост выработки балансировал в узком коридоре 2-3%. Возникший беспрецедентный проинфляционный разрыв между спросом (подпитанным деньгами) и предложением (ограниченным технологиями) стал ключевым фактором макроэкономической дестабилизации. Высокие издержки на рабочую силу вынудили производителей переносить затраты в конечные цены товаров и запускать разрушительную инфляцию издержек. По сути, в эти годы в России можно было в реальном времени наблюдать раскручивание спирали «зарплаты-цены».

Это вызвало естественную реакцию со стороны мегарегулятора, который купировал эту проблему сверхжесткой денежно-кредитной политикой. Запретительно высокие кредиты в российской экономике (наряду с секторальными санкциями), фактически заблокировали возможности реального сектора закупать новое оборудование для преодоления дефицита кадров, заперев страну в безвыходной стагфляционной ловушке.

После анализа долгосрочной динамики производительности труда и заработной платы в России, верифицируем наличие статистически значимой связи между этими показателями.

Гипотеза исследования – между индексом производительности труда и индексом реальной заработной платы в российской экономике должна существовать прямая, статистически значимая связь.

Исследуемые показатели:

– Индекс производительности труда, 2000-26 гг. Данные взяты из открытых источников (Росстат);

– Индекс реальной заработной платы, 2000-26 гг. Данные взяты из открытых источников (Росстат) (см. таблице 1, рисунок 1).

Интервал исследования: долгосрочный, 27 лет.

Для верификации гипотезы использовался коэффициент корреляции Пирсона (p-value 5%).

Таблица 1 – Динамика индекса производительности труда и индекса реальной заработной платы в экономике РФ, 2000-2026 гг.

Год	Индекс производительности труда (ИПТ)	Индекс реальной заработной платы
2000	105,8	120,9
2001	103,1	119,9
2002	105	116,2
2003	107	110,9
2004	106,7	110,6
2005	105,5	112,6
2006	107,5	113,3
2007	107,5	117,2
2008	104,8	111,5
2009	95,9	96,5
2010	103,2	105,2
2011	103,8	102,8
2012	102,8	107,8
2013	102,1	104,8
2014	100,7	101,2
2015	98,6	91
2016	100	100,8
2017	102	102,9
2018	103,1	108,5
2019	102,4	104,8
2020	99,5	103,8
2021	103,9	104,5
2022	97,1	100,3
2023	102,4	108,2
2024	103,4	109,1
2025	102,5	106
2026	102*	103,3*

* Прогнозные значения

Динамика анализируемых показателей представлена на рисунке 1.

На основе анализа рисунка 1 можно сделать несколько ключевых выводов:

1. Пятикратный рост уровня жизни: за рассматриваемый период с 2000 по 2026 год покупательная способность средней заработной платы выросла более чем в 5 раз (с 11,4 тыс. до прогнозируемых 97,5 тыс. рублей). Это свидетельствует о колоссальном долгосрочном росте благосостояния населения по сравнению с началом нулевых годов.

Рисунок 1 – Динамика индекса производительности труда и индекса реальной заработной платы в экономике РФ, 2000-2026 гг.

Источник: построено авторами

2. Четкие видимые провалы в кризисные годы: график наглядно иллюстрирует чувствительность доходов населения к внешним шокам. На нем видны два серьезных перелома тренда: кризис 2009 года: падение из-за мирового финансового кризиса; кризис 2015 года: самый глубокий провал за всю историю наблюдений, вызванный обвалом цен на нефть и введением первых масштабных западных санкций (потребовалось около 4 лет, чтобы вернуть покупательную способность зарплат к докризисному уровню 2014 года).

По данным представленным в таблице 1, коэффициент корреляции Пирсона между индексом производительности труда (ИПТ) и индексом реальной заработной платы составляет: $r=0.773$ ($p=0.0000023$).

Проверка значимости (уровень значимости 5%) гипотезы:

- H_0 : линейная связь между ИПТ и индексом реальной заработной платы отсутствует ($r=0$)
- H_1 : линейная связь существует ($r \neq 0$)

Поскольку: $p=0.0000023 < p=0.05$ нулевая гипотеза отвергается.

Следовательно, между индексом производительности труда и индексом реальной заработной платы наблюдается сильная положительная статистически значимая корреляция.

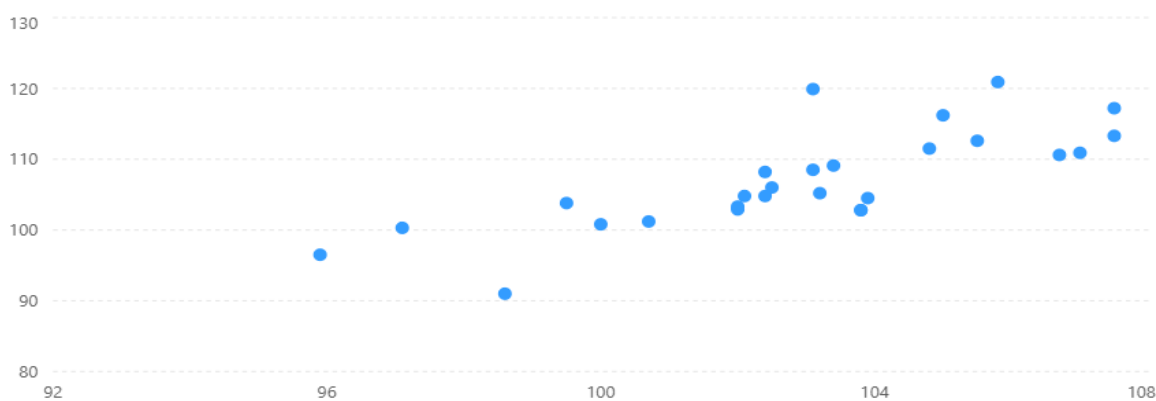

Рисунок 2 – Диаграмма рассеивания между производительностью труда и индексом реальной заработной платы в экономике РФ

Источник: построено авторами

Таким образом, в рассматриваемом периоде рост производительности труда в целом сопровождался ростом реальной заработной платы, хотя темпы их изменения не всегда совпадали (см. рис.2). Это позволяет сделать вывод о статистически значимой взаимосвязи между рассматриваемыми показателями: увеличение производительности труда в долгосрочном периоде сопровождалось ростом реальной заработной платы.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить особенности взаимосвязи между производительностью труда и реальной заработной платой в российской экономике на протяжении длительного периода с 2000 по 2026 гг. Анализ динамики рассматриваемых показателей показал, что в долгосрочной перспективе их изменение носит преимущественно несогласованный характер, хотя между ними существует прямая статистически значимая связь.

Исследование выявило существенную трансформацию механизмов формирования заработной платы в последние годы. Если на ранних этапах развития российской экономики рост оплаты труда в значительной степени обеспечивался повышением производительности и вовлечением незадействованных производственных ресурсов, то в современных условиях всё большую роль начинают играть структурные ограничения рынка труда. Усиление дефицита кадров, неблагоприятные демографические тенденции, изменение внешнеэкономической конъюнктуры и возросшая конкуренция работодателей за трудовые ресурсы привели к ускоренному росту заработных плат, который нередко опережает темпы повышения производительности труда.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о сохранении статистически значимой положительной взаимосвязи между исследуемыми показателями, однако её характер становится менее устойчивым и более зависимым от институциональных факторов. Это свидетельствует о постепенной трансформации российской модели рынка труда, в которой динамика заработной платы всё в меньшей степени определяется исключительно эффективностью производства и всё в большей степени – состоянием рынка труда и ограничениями предложения рабочей силы. В этих условиях обеспечение устойчивого роста доходов населения требует не только повышения оплаты труда, но и ускорения технологической модернизации, автоматизации производства и роста производительности труда как ключевого источника долгосрочного экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schwellnus C, Kappeler A, Pionnier P. Decoupling of wages from productivity. 2017. doi:10.1787/d4764493-en
2. Bellocchi A, Saraceno F, Travaglini G. Closing the productivity–wage gap in the European Union: The role of the labor share. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2025. doi:10.1016/j.strueco.2025.10.005
3. Criscuolo C, Hijzen A, Koelle M, et al. The firm-level link between productivity dispersion and wage inequality. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*. 2021. doi:10.1787/4c6131e3-en
4. Stansbury A, Summers LH. Productivity and Pay: Is the link broken?. *National Bureau of Economic Research*. 2017. doi:10.2139/ssrn.3192609
5. Productivity-wage nexus at the firm-level in Portugal. *OECD Productivity Working Papers*. 2021. doi:10.1787/749ac20c-en
6. Daniele V. Territorial disparities in labour productivity, wages and prices in Italy: What does the data show?. *European Urban and Regional Studies*. 2021;28:431 - 449. doi:10.1177/09697764211020057
7. Mawejje J, Okumu I. Wages and Labour Productivity in African Manufacturing. *African Development Review*. 2018. doi:10.1111/1467-8268.12346
8. Gregory-Smith I. WAGES AND LABOR PRODUCTIVITY: EVIDENCE FROM INJURIES IN THE NATIONAL FOOTBALL LEAGUE. *Economic Inquiry*. 2020. doi:10.1111/ecin.12960
9. Hellerstein J, Neumark D, Troske KR. Wages, Productivity, and Worker Characteristics: Evidence from Plant-Level Production Functions and Wage Equations. *Journal of Labor Economics*. 1999;17:409 - 446. doi:10.1086/209926
10. Sin I, Stillman S, Fabling R. What Drives the Gender Wage Gap? Examining the Roles of Sorting, Productivity Differences, Bargaining, and Discrimination. *Review of Economics and Statistics*. 2020;104:636-651. doi:10.1162/rest_a_01000
11. Boeri T, Ichino A, Moretti E, Posch J. Wage Equalization and Regional Misallocation: Evidence from Italian and German Provinces. *Journal of the European Economic Association*. 2019. doi:10.3386/w25612
12. Almasifard M. Gender wage gap in selected developing upper-middle income countries. *International Journal of Development Issues*. 2018;17:142-156. doi:10.1108/ijdi-07-2017-0126
13. Tufaner MB. Income thresholds and the productivity–wage nexus: evidence from dynamic panel data. *Economic Change and Restructuring*. 2026;59. doi:10.1007/s10644-026-09982-8
14. Sharpe A, Ugucioni J. Decomposing the Productivity Wage Nexus in Selected OECD Countries, 1986-2013. *International Productivity Monitor*. 2017;32:25-43.
15. Erumban A, Vries K. Wage-productivity growth gap: An analysis of industry data. 2016.
16. Schröder J. Decoupling of labour productivity growth from median wage growth in Central and Eastern Europe. *wiiw Research Reports*. 2020.
17. Elgin C, Kuzubaş T. Wage-Productivity Gap in OECD Economies. *Economics*. 2013;7. doi:10.5018/economics-ejournal.ja.2013-21
18. Acharya S, Wee SL. On-the-job search and the productivity-wage gap. *European Economic Review*. 2025. doi:10.1016/j.euroecorev.2025.105127
19. Bormans Y, Theodorakopoulos A. Productivity dispersion, wage dispersion and superstar firms. *Economica*. 2023. doi:10.1111/ecca.12490
20. Fontanari C. The role of wages in triggering innovation and productivity: A dynamic exploration for European economies. *Economic Modelling*. 2023. doi:10.1016/j.econmod.2023.106571
21. Cruz MD. Labor Productivity, Real Wages, and Employment in OECD Economies. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2023. doi:10.1016/j.strueco.2023.05.007
22. Gómez-Sánchez A, Ramírez-Gutiérrez Z, Rivera-Lozada I. Productivity, real wages, and gender. A study in Colombian manufacturing. *F1000Research*. 2025. doi:10.12688/f1000research.161343.1
23. Maliranta M. Technology , labor characteristics and wage-productivity gaps. 2003.
24. Istenič T, Redek T, Farčnik D. Gender and Age Wage–Productivity Gaps in Intangible and Non-

Intangible Work Occupations. *Economic and Business Review*. 2024. doi:10.15458/2335-4216.1332

25. Herman E. Labour Productivity and Wages in the Romanian Manufacturing Sector. *Procedia Manufacturing*. 2020;46:313-321. doi:10.1016/j.promfg.2020.03.046

26. Mohammed R. An economic analysis of the impact of labor productivity on the dynamics of total wages in Iraq for the period 1994–2021. *Middle East Development Journal*. 2025;17:129 - 137. doi:10.1080/17938120.2025.2482633

27. Van Biesebroeck J. Wages Equal Productivity. Fact or Fiction? Evidence from Sub Saharan Africa. *World Development*. 2011;39:1333-1346. doi:10.1016/j.worlddev.2010.12.002

28. Abegaz M, Nene G. Gender wage and productivity gaps in the Ethiopian manufacturing sector. *Journal of Applied Economics*. 2023;26. doi:10.1080/15140326.2022.2160139

29. Dosi G, Virgillito M, Yu X. The wage-productivity nexus in the world factory economy. 2020. doi:10.1016/j.worlddev.2020.104875

Transformation of the Relationship Between Labor Productivity and Wages Under Labor Shortage Conditions in Russia

Shkiotov Sergey Vladimirovich

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Zagidullin Damir Maratovich

Student

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: zagidullindm.24@edu.ystu.ru

KEYWORDS

labor productivity; wages;
labor market; real wages;
production efficiency;
productivity and wages;
Russian economy

ABSTRACT

This article examines the relationship between labor productivity and real wages in the Russian economy over the long term. The relevance of the study is determined by the growing imbalance between wage dynamics and production efficiency amid structural economic transformation, labor shortages, and historically low unemployment rates. Based on a review of Russian and international literature, the paper identifies the main theoretical approaches explaining the divergence between labor productivity and wages, as well as the factors determining the extent to which productivity gains are transmitted to employees. The study analyzes the dynamics of the labor productivity index and the real wage index in the Russian Federation over the period 2000-2026. The main stages in the transformation of the Russian labor market are identified, characterized by changes in income formation mechanisms and the role of labor productivity in supporting wage growth. Particular attention is paid to the current stage of economic development, marked by increasing labor shortages, intensified competition among employers for workforce resources, and the growing influence of institutional factors on wage dynamics. To test the hypothesis of a statistically significant relationship between the variables under consideration, correlation analysis was employed. The results confirm the existence of a positive relationship between labor productivity and real wages. At the same time, the findings indicate that in recent years wage growth has been increasingly driven by labor market constraints rather than productivity improvements. This trend heightens inflationary pressures and underscores the importance of increasing labor productivity as a key prerequisite for sustainable economic development.
